

Тайная победа

В соседнем доме, который мог бы прилежать к моему верхней перекладной буквы «Т», жили восьмилетние: Топа, Шибя, Кока, Киса, Дрюпа и Саврас. А я приехал с Кислоток и был весь такой солидный, девятилетний. С велосипедом. Батя на «Велте» работал, и им зарплату великами выдали. Сейчас мне кажется, что это был намек, типа — а катитесь-ка вы отсюда. А тогда я очень обрадовался. В девять лет ценность денег неочевидна. Зато от своей «Камы» я прямо отойти не мог. То есть я реально на ней не ездил, а катал по двору. Старик Виктор, сосед наш, «конюхом» меня дразнил. А потом я научился. Упал, конечно, пару раз. Один раз в лужу даже. Но искусством ов-

ладел. На Пролетарку я уже состоявшимся велосипедистом прибыл.

А тут, значит, Топа, Шибя, Кока, Киса, Дрюпа и Саврас. Малолетки. Только-только на велики сели. По-девчачьи седлают. Не над сиденьем ногу проносят, а над рамой вставляют. Вокруг дома круги наматывают. А на Пролетарке тогда чего только не было! Вместо «Времен года» Шанхай стоял. Это такой частный сектор, где огороды и цыгане. Цыгане там «винт» варили, но я об этом тогда не знал. Я его намного позже попробую. Всем пролетарским пацанам, у которых бабушек в деревне не было, этот Шанхай деревню заменял. Там гуси щипучие жили. Петух-гоголёк. Корова томная ходи-

ла. Это если пёхом, а если на великах, то вообще шикардос. Велики высокие, и с них за забор можно заглядывать. Да и гусей дразнить безопаснее, потому что всё равно уедешь.

Ещё хорошо было ездить на Красноборскую. Там какой-то богатей замок построил. А замок — это ведь почти Айвенго. Все равно, что ты вот читал-читал книжку, а потом увидел. Если по Красноборской до конца проехать, там кладбище. Машин нет, а дороги есть — гоняй, сколько влезет. Я там отработывал такое, знаете, крутое торможение, когда — фуух! — и вбок.

Но самое интересное, конечно, это в Закамск гонять. Вглубь. На Героя Лядова. Или даже на Стадион. Или вообще на Водники, где кладбище кораблей. На Каму на «Камах», каламбур такой. Когда туда едешь, Комсомольский посёлок проезжаешь. Говорят, его пленные немцы строили, и поэтому дома там не по-нашенски выглядят. Они все двухэтажные (кроме общаги четырехэтажной, я в ней потом буду жить, когда меня в розыск объявят), и каждый как бы со своей подробностью. Один дом такой, другой вот такой, а на третий с торца что-то наклеплено. Это прямо замечательно было, потому что наши дома все одинаковые и на дома не очень похожи. Будто мы все в коробках из-под холодильников живем, только больших и бетонных. На самом деле это, конечно, не так. Я потом буду божевать и три ночи в такой коробке переночую. Исключительный опыт, не то что в панельке копчик протирать.

Я все эти места один исследовал, а когда с Топой, Шибой, Кокой, Кисой, Дрюпой и Саврасом познакомился, то с собой их позвал. Мы на «кузнечике» подружались. Это такая качель. Бревно такое железное, за которое с двух сторон руками надо браться и ногами землю толкать. Саврасу этой качелью голову пробило, и мы все стали его спасать. Несчастный случай нас вроде как сдружил.

Топы и Шиба — братья. Они подпевалы. У них мама в больнице работает, а папа дома строит. Кока высоченный, выше меня, хотя и восьмилетка. Он сам себе на уме, и про него никогда ничего не понятно. У Кисы

папа офицер. Киса тоже на офицера похож. Прямой весь, с таким, знаете, лицом... Моя мама называет его «породистым». Не знаю. Я когда слышу «породистый», сразу ротвейлера представляю. А у Кисы как раз ротвейлера, прикиньте? Породистый с породистым гуляет, каламбур такой.

Дрюпа — хоккеист. Его родители в «Молот» возьят, поэтому он с нами не очень часто бывает. У Дрюпы голова квадратная. Я его иногда по голове глажу и говорю: «Не плачь, мальчик, у тебя голова не квадратная». Это моего папы шутка. Он так надо мной шутит, а я перенял. Не знаю. Может, это унижительно, но никто не обижается. Такие уж мы люди.

Саврас очень быстро бегаёт. Мы тогда не знали, что саврасками лошадей называют, а то смеялись бы, наверное. Он с мамой одной жил, потому что папа пил-пил и умер. Саврас его плохо помнил. Помнил только, что отец ему кинжальчик из дерева выстрогал. А так батя у него сначала в тюрьме сидел, а потом с мужиками ползал. Саврас вообще молчаливый весь, будто ему не восемь, а десять с хвостиком.

Пацаны тогда второклашками были, а я третьеклашкой. Я ещё не знал, что через год меня в 5 «е» переведут, и петухами я уже не птиц буду называть, а живых людей. Я тогда думал, что я всегда с Топой, Шибой, Кокой, Кисой, Дрюпой и Саврасом буду дружить. Если б я знал, что только одно лето с ними буду дружить, я бы, наверное, по-другому дружил. Но мы ведь таких вещей никогда не знаем, правда?

В тот день, о котором я толкую, мы прямо с утра все собрались, чтобы поехать на кладбище кораблей. Киса про Миклуху-Маклая знал, и мы эту поездку «экспедицией» называли. «Инвайта» набодяжили. Бутербродов взяли. За домом уже стояли. Дрюпу поджидали. Дождались. Тут к нам Сито на «Урале» подъехал. Сито в моем подъезде жил и клей мохал. Я к этому плохо относился. У меня друг был на Кислотках — Сашка Куляпин, он к бабушке в Челябинск поехал, намохался и уснул прямо на рельсах. В закрытом гробу похоронили. А Сито был старшак, и я его побаивался. А он подъехал и давай над Савра-

сом прикалываться, что у него шорты с обезьянами, а значит, он сам обезьяна. Сите тринадцать лет было, и мы все молчали, а он по нам проходил. А я вроде как старший и не должен такого спускать.

«Чего — говорю, — Сито, прицепился, едь, куда ехал». А он такой — я-то уеду, а ты на моем велике даже уехать не сможешь, мелюзга! А я — чего это я не смогу, очень даже смогу! На меня пацаны смотрят, и мне вроде как неудобно на попятный идти. Только на «Урале» я на самом деле никогда не ездил. Взрослый велик. Рама гигантская. Так сразу и не поймешь, как к нему подступиться. А Сито говорит — на, прокатись, если не трусишь. А я за руль взялся, и понимаю, что не смогу с асфальта на него сесть. Смекалку проявил. Рядом такая железная штука стояла, на которой ковры хлопают. Возле трех машин припаркованных. Я к ней велос подкатил и уже с неё на него взобрался. Но на сиденье я не смог сесть, потому что до педалей не дотягивался, а сел на раму и всё равно только носочками дотянулся. Неловкость прямо такая, будто ты что-то громоздкое пытаешься нести, а оно не несется. Оттолкнулся, поехал. Сито смотрит насмешливо. Пацаны во все глаза глядят.

А у меня не получилось. Я немножко буквально отъехал и как бы накренился. В машины припаркованные меня понесло, и я в «Волгу» передним колесом въехал. А в «Волге» мужик сидел из моего подъезда. Начальник какой-то с завода. Мы об его

существовании даже не знали. А я в машину въехал и дверь белую испачкал. Не знаю, где уж там Сито ездил, но грязи на колесах было до полна. А я когда въехал, то с велосипеда упал, а мужик из машины выскочил, грязь увидал и схватил меня за шкуру, и давай под жопу мне пинать. Раз пнул, два пнул. Смотрю — Сито велос подобрал и укатил. А мужик, видимо, очень свою машину любил, потому что пинает и пинает, не останавливается. Я уже на колени упал, а он всё пинает, но не под жопу уже, а в спину и куда придется.

Тут слышу — Саврас как сумасшедший заорал. А потом все прямо заорали: Топа, Шiba, Кока, Киса, Дрюпа. Им, наверное, очень страшно было, потому что они сначала заорали, а потом всей оравой на мужика набросились. Нетипичное такое поведение для детей. Это я сейчас понимаю, а тогда мне просто хотелось, чтобы меня пинать перестали. А мужик от такого наскока обалдел. Ну, то есть он растерялся и в машину шмыгнул, а мы велики похватили и уехали подальше, чтобы он нас больше не бил и чтобы дух перевести. А потом мы погнали на кладбище кораблей, и прямо такой у нас счастливый день получился, что я его до сих пор помню. Про этот случай с мужиком мы никому не рассказали. Ни родителям, ни в школе, ни вообще никому. Это наша тайная победа была, и мы ей потом очень гордились. Жаль, что у нас только одно такое лето было, но ведь и одно такое — это уже кое-что.

«Весенний вальс» под картошку

Пятница. Вечер. Наши дни. Где-то в утробе Закамска Виталий забросил мешок картошки на плечо и побрел на пятый этаж. Он был грузчиком-экспедитором и немножко дурачком. В семнадцать лет Виталий занемог дышать, а поход по врачам выявил шизофрению. Полугодовое лече-

ние галоперидолом на Банной горе не помогло. Только через три года выяснилась правда — шизофрении нет, есть смещение позвонков. Пройдя трехмесячный курс у мануального терапевта, Виталий вернул себе кислород. Правда, он почему-то перестал играть на пианино, решать уравнения,

сочинять стихи, читать книги. А ещё прежде общительный парень наглухо замолчал. Собственно, именно в силу всех этих обстоятельств он и стал грузчиком-экспедитором.

Работал Виталий три раза в неделю. Высокий и крепкий, он разгружал «бычок». Рано утром парень приезжал на рынок в Заостровку, где грузил в машину четыре тонны овощей. Потом он отправлялся по адресам, потому что работал в конторе, которая занималась доставкой продуктов на дом. Рейс начинался в девять утра, а заканчивался около одиннадцати. Виталий зарабатывал две тысячи рублей за один такой выезд. Ему нравилось колесить по Перми, запоминать улицы, вглядываться в проносящиеся автомобили. Внешне он был обычным молодым человеком, а вот внутри происходило интересное.

Интересное происходило на фоне молчания и напоминало всплеск. Иногда это была музыка, которую Виталий когда-то играл собственными руками. Иногда обрывки уравнений, химические формулы, заковырившие теоремы. Иногда просто бывшая подруга и как они гуляли по набережной, сочиняя будущее. Эти всплески парень наблюдал сосредоточенно, будто силился ухватить рыбу, всплеск породившую. Ухватить рыбу никак не удавалось. Редко всплеск следовал за всплеском. В такие минуты Виталий впадал в ступор и мог пробыть внутри себя целый час.

Поднявшись на пятый этаж, парень скинул мешок на пол и позвонил в дверь. Из квартиры доносилась музыка — русская попса. Виталий поморщился и снова нажал на звонок. Дверь открыла женщина. Она выглядела одутловатой и чуть-чуть пьяной.

— Тебе чего?

— Картошку привез.

— Какую картошку?

— Белую. Красноуфимскую.

— Бабка что ли заказала?

— Наверно. Моё дело привезти.

— Ладно. Тащи на балкон. Разберемся.

Виталий вскинул мешок на плечо и вошел в квартиру. Миновал полутемный коридор. Протиснулся в гостиную.

На диване за журнальным столиком выпивали трое — женщина и двое мужиков. Один мужик был крепким и лысоватым. Второй, наоборот, тощим и патлатым. Женщина выглядела изможденной. Сквозь копну жидких волос просвечивал череп. Напротив дивана, у стены, стояло пианино. Пока Виталий устраивал мешок на балконе, троица громко обсуждала его появление в самых красочных выражениях. Кто-то выключил магнитофон. Хозяйка квартиры стояла возле балкона и молча наблюдала, как парень возится с мешком, который надо было уложить между банок. Закончив, Виталий снял перчатки и вышел в комнату.

— Сколько с меня за картошку?

— Тысяча рублей.

Женщина обернулась и обратилась к лысоватому:

— Тыщу надо. За картошку отдать.

— И чё?

— Ничё. Давай деньги.

— Ты совсем о***ла, Светка! Нету у меня.

— Ты гонишь, что ли?

— Твоя бабка заказала, вот пусть и башляет.

— Витя, ну не начинай, а? Она же в больнице. Ну, Витя?

— Х*итя! Будешь ныть, я те щелкну, ясно?

Тут к разговору подключилась изможденная женщина.

— Ты забурел, Витек. Картофан — это святое. Отдай человеку деньги и давай пить.

— Вы чё, соски, сговорились? Нету у меня денег!

Витя хохотнул, толкнул патлатого друга плечом и проговорил:

— Вот ведь бабы настырные, а?

— Определенно, определенно.

Однако хозяйка квартиры от Вити не отстала.

— Слышь, Витек. Ты здесь живешь, пьешь, спишь со мной каждую ночь. Ты мой гражданский муж, если чё!

— И чё?

— И чё! Оплати картошку. Хорош вилять. Сколько можно человека задерживать. Неудобно.

— Неудобно на потолке е****сь. Остальное — нормалек. Ты мне за гражданского мужа даже не прокидывай, поняла? Знаю я, чем ты за моей спиной занимаешься.

— И чем я там занимаюсь?

— Б****шь, дрянь.

— Молчал бы лучше, кобель проклятый! Я девушка верная, порядочная. Такими глупостями не занимаюсь.

Тут изможденная будто бы не выдержала и захохотала. Хозяйка мгновенно окрысилась.

— Чё ты ржешь, Людка?! Дура набитая. Ржет она. Заплати за картошку, Витя. Быстро заплати, я сказала!

Хозяйка квартиры перешла на высокочастотные звуки и швырнула в мужика стакан. Тот увернулся, вскочил, схватил женщину за руки и проорал прямо ей в лицо:

— О****сь, мать!

Изможденная и патлатый бросились их разнимать. Началась свалка и крики.

Виталий, который еще в самом начале ссоры ощутил всплеск, вдруг сел за пианино и открыл крышку. Робко коснулся пальцами клавиш. Сначала черных, а потом белых. Всплеск следовал за всплеском, и он уже

ничего не слышал, кроме музыки, звучащей внутри. Тряхнув головой и будто бы решившись, парень заиграл «Весенний вальс». Поначалу его пальцы были вялыми, как после наркоза. Но чем дольше он играл, тем сильнее они становились.

Когда Виталий закончил, в комнате повисла тишина. Спорщики сидели на диване и смотрели на музыканта во все глаза.

— Ты, это самое, маэстро!

— Это что было? Моцарт, да?

— Охренеть. А я всё думал — зачем оно здесь стоит?

— Витя, заплати уже за картошку, я тебя умоляю.

— Блин... Ну, нету у меня! Нету, понимаешь? Пятихатка всего. И никакая музыка этого не изменит.

Вдруг патлытый внес предложение:

— У меня есть пятихатка. Давай мешок на двоих возьмем, да и всё.

Так приятели и поступили. Через пять минут Виталий сел в «бычок» и поехал дальше. Конечно, та игра на пианино не исцелила его. Зато теперь он играет на нем регулярно, и ему хорошо. А хорошо — это немало. Хорошо — это уже кое-что.

Луций и Венера

Пермь. Август. Центральная кофейня. Я сижу на мягком, как облако, диване. Бесшумный кондиционер облизывает лицо. За окном-витриной снуют прохожие. Они отбрасывают длинные тени. Я наблюдаю за ними, как рыба из аквариума. Холодно, вскользь, равнодушно. Я вообще равнодушный человек. Это всё из-за того, что я эгоист. Не какой-нибудь нарочитый эгоист, а природный, кристаллический. Мне и правда плевать на других людей, понимаете? Не вижу я в них ничего особенного. Мещанчики, буржуйчики, трусишки. Про них Гессе в свое время очень точно написал. Не будем об этом.

В Центральную кофейню я пришёл, потому что хотел убить время. Стриптиз-клуб «911» открывался только в десять. В общем-то, он мне уже поднадоел, как и Диана с Алисой, с которыми я там развлекался. Они были ничего, но жутко тупые. Иногда мне хотелось заклеить им губки скотчем. Иногда я их действительно заклеивал. Короче, назрела потребность в девчонке поутонченней. Не то чтобы я желал душевной близости, это было бы уже слишком, однако интеллектуального флирта и разговорчиков в стиле Хемингуэя мне бы хотелось.

Ладно. Вот вам правда. Я пришел в эту хипстерскую кофейню, чтобы подцепить какую-нибудь высоколобую нимфу. Студентку истфака, например, или филологиню. Лучше рыжую, конечно, но в принципе годилась любая, лишь бы поговорить флиртовато, пост-модерново, с огоньком. И вот сижу я такой в этом облачном кресле, пью кофеек и наблюдаю. Не то чтобы озираюсь по сторонам, но головой шевелю, интересуюсь. Вы, наверное, встречали таких крутых парней — кеды из «Гута», джинсы «Левис», футболка с принтом Карлина, очки Терминатора. Будь я телкой, сам бы себе дал, честное слово.

Подходящая девушка появилась где-то через час. У меня на подходящих нюх. Не знаю даже, как это объяснить. Просто возникает непреодолимое желание с ней заговорить. Что-то в лице, пожалуй. Или запах, походка. Иногда — жест. Увижу, например, как она прядку со лба отбросила, и сразу понимаю — приплыл. Раньше-то я пацанок выбирал, стриптизерш всяких, а тут к высоколобым пригляделся. Серенькие в основном, но эта... Она едва вошла, я сразу смекнул — мой вариант. Во-первых, рыжая. Во-вторых, кожа белоснежная. Бродский со своим паросским мрамором тихо курит в сторонке. В-третьих, она зал оглядела, как львица. Так хозяйева жизни смотрят, мелочь пузатая так смотреть не умеет. В-четвертых, мы с ней взглядами встретились. Так встретились, что хоть электриков вызывай. Она замерла, я замер. И улыбаемся оба одной улыбкой на двоих. До того неожиданно получилось, что я даже на секундочку испугался к ней подойти. Со мной этой херни лет десять уже не случалось.

Такое бывает, кстати. Иногда проще человека убить или ювелирку грабануть, чем какую-нибудь ерунду сделать. Однако в этот раз я быстро взял себя в руки. Меня потому что к ней, как под действием гравитации, тянуло. Вблизи она оказалась ещё интереснее, чем с моего дивана. Брови густые, очерченные скулы, нос нормальный, не кнопка, губы упругие, настоящие. А самое крутое — платице и босоножки. Есть у меня фобия — я терпеть не могу человеческие ступни. Мне

даже свои собственные не нравятся. Как-то беспомощно-жалко они выглядят. Иной раз смотрю на девчонку — конфетка, а на ступни гляну и думаю: «Потерялась бы ты уже где-нибудь, милая!» Здесь я тоже на ступни сразу посмотрел. То есть я периферией подсекаю, что она в босоножках, и сначала решил ни за что не смотреть, но тут же посмотрел. Первый раз в жизни не разочаровался, честное слово. Офигенные ступни, никогда раньше таких не видел. Я щас долго рассказывал, а в голове у меня всё это за секунду промелькнуло. Со стороны это выглядело так — парень подошел к столику, наклонился к девушке, поймал её взгляд и сказал:

— Привет. Хочу выпить с тобой кофе.

— Привет. Ты уверен?

— Конечно. А почему я должен быть не уверен?

— Не знаю. Может быть, потому что я жду своего парня. А может быть, потому что со мной опасно пить кофе.

— Так ты ждешь своего парня или с тобой опасно пить кофе?

— Не устраивай сцен. Сядь уже.

Начало разговора меня позабавило. Я сел за столик.

— Ты не ответила на вопрос.

— А ты настырный...

— В маму.

— Правда? А какая она, твоя мама?

— Ты это щас серьезно? Хочешь послушать про мою маму?

— На самом деле — нет. Я и так про нее все знаю.

— Неужели?

— Какой ты лаконичный. Мне нравится. Ладно. Слушай. Как тебя зовут?

— Евген. То есть Евгений. Можно — Женя.

Рыжая рассмеялась. Хрустально так, будто окно на верхнем этаже разбили, а стеклышки на мостовую сыплются, ударяясь о булыжники.

— По-твоему, Евгений — это смешно?

— Смешно. Если знать все факты.

— Какие факты?

— Я — Евгения. Можно — Женя.

Я усмехнулся. Не так, чтобы это было уж очень смешно, но забавно. Конечно, Женя

могла бы смеяться менее откровенно. Хотя она так смеется, что пускай. Все равно она не похожа на идиотку.

— Рассказывай, Женя.

— Подожди. Нам надо договориться.

— О чём?

— Как мы будем друг друга называть.

— Давай договоримся. Ты будешь Женей, а я Евгением.

— А почему так?

— Не знаю. Просто предложил.

— Так не бывает. У всего есть внутренняя логика. Это потому что я девушка, да?

— В смысле? Как это связано?

— Евгений — строгое официальное имя.

А Женя — его уменьшительная легкомысленная форма. Я бы даже сказала — уменьшительно-ласкательная.

— Ласкательная — Женечка.

— Пусть. Все равно, ты думал только о себе.

— Это как?

— Тебе придется произносить меньше букв, а мне больше. Это несправедливо, не находишь?

— Ты издеваешься что ли?

Разбитое стекло снова посыпалось на мостовую.

— Немножко.

— А зачем?

— Не знаю. А зачем вообще люди издеваются?

— Ты скачешь с темы на тему. Давай вначале определимся с именами, потом ты расскажешь мне про мою маму, а уже после этого мы поговорим про издевательства.

— Любишь порядок, да?

— Люблю. Он помогает избежать путаницы.

— Ты не прав, но об этом позже. Что там у нас первое? Имена?

— Они, Женя.

— Значит, Женя?

— Как вариант.

— Мне кажется, мы попали в ловушку.

— Продолжай.

— Искусственно себя ограничили, понимаешь? Тебе не обязательно быть Евгением, а мне Евгенией. В мире полно имён, мы мо-

жем выбрать себе любые. Как бы тебе понравилось, если бы меня звали Диана?

Этого мне ещё не хватало. И почему приличных девушек так тянет на стриптизерские псевдонимы?

— Нет. Только не Диана.

— Почему?

— Не люблю Древнюю Грецию. Мне по душе Рим.

— То есть ты предпочитаешь Венеру?

Уже лучше. По крайней мере, с такой стриптизершей я не спал.

— Венера мне нравится. И раз уж мы обратились к Риму, зови меня Марс.

— Только не Марс.

Неужели она спала со стриптизером по имени Марс? Неприятно.

— Почему? Бог войны. Легендарная фигура.

— Шоколадка. Нуга, карамель и молочный шоколад. Нет, тебе нельзя быть батончиком.

— Вот, значит, как ты смотришь на Рим. Хорошо. Предложи свой вариант.

— Катилина.

— Да ладно?! На Катерину похоже. К тому же он был бестолковым революционером.

— Зато он был страстным. Ты ведь тоже страстный, скажи?

Повисла пауза. Наши взгляды опять столкнулись. Давно на меня не смотрели так прямо.

— Как Везувий. Огонь и лава. Хочешь проверить, Венера?

— Нет, Катилина. Блин, действительно по-дурацки звучит!

— Может, Катилину надо называть по имени?

Венера улынулась и тихо, как бы пробуя на вкус, произнесла:

— Луций Сергий... Серёга, если попростому.

— Венера и Серёга. Как детей назовем?

— Обсудим через девять месяцев.

— Ты слишком фривольна для богини.

— О боги, ты знаешь слово фривольно?

— Не так уж это и удивительно. Я и Катилину знал.

— Многие мальчики знают Катилину. А что ты ещё знаешь, Луций?

— Тебе откровенно или шутливо?

— Попробуй совместить.

— Я знаю, что ты обещала рассказать про мою мать. А ещё я знаю, что меня не раздражают твои ступни.

— Что? Почему мои ступни должны тебя раздражать?

— До сегодняшнего дня меня раздражали все ступни в мире. Поэтому то, что меня не раздражают твои ступни, — великое достижение.

— Хочешь сказать, ты к ним равнодушен?

Голос Венеры оброс глубиной и серьёзностью.

— Нет. Они мне нравятся. Глядя на них, я даже не уверен, ходишь ли ты по земле.

— Ты странный, Луций.

— Думаешь?

— Уверена. Я тоже странная.

— Чем же?

— Например, мне очень нравится, что тебе нравятся мои ступни. А ещё я не люблю человеческие уши.

— Уши?

Я окинул Венеру взглядом.

— Поэтому ты закрываешь их волосами?

— Да.

— Покажи. Нет, правда. Мне кажется, твои уши вряд ли уступают твоим ступням.

— Ох ты! Это самый чудной комплимент, который я слышала. Спасибо.

Я протянул руку к Венере, чтобы отвести прядь. Она обхватила моё запястье прозрачными пальцами. Маленькая, сухая, сильная ладонь. Приятно.

— Не надо. Сначала ты.

— Что — я?

— Сними кеды. Хочу увидеть твои ступни.

— Прямо здесь снять? С носочками?

Мой голос сочился иронией, хотя внутренне я уже снимал чертовы кеды.

— Да. С носочками. Бартер, понимаешь? Ты показываешь ступни, я — уши. Идёт?

— А ты реально странная. Хорошо.

Я нырнул под столик и быстро стащил кеды и носки. Глупые грабли глянули на мир остриженными ногтями. Вот сколько живу,

столько они топора и просят, честно слово. Когда я вынырнул, Венера улыбнулась.

— Готово. Можешь смотреть.

— Я не хочу лезть под стол. Давай я сяду к тебе на диван, а ты положишь ноги мне на колени.

— С ушами ты хочешь поступить также?

— Да. Я хочу, чтобы ты посмотрел на них сверху. Если смотреть сбоку, их уродство не так заметно.

— А ты хочешь, чтобы было заметно?

— Конечно. Иначе теряется весь смысл нашего заголения.

— То есть смысл в этом всё-таки есть?

— Согласна, словами его сложно выразить. Но ты ведь чувствуешь? Вот здесь?

Венера протянула руку через стол и прижала ладонь к моему сердцу. Подлый моторчик сразу забился часто-часто, с готовностью. Как собака хвостиком завилыла, понимаете?

— Чувствую. Иди ко мне.

Венера пересела на диван. Мягкое облако притянуло нас друг к другу. Запах вполз в ноздри. Со мной явно творилась какая-то хрень.

— Ложись, Луций.

Я лег на диван. Забросил ступни на колени девушке.

— У тебя отличные ступни, Луций.

— Правда?

— Нет. Ты не из Ширы случайно?

Я быстро сел и спрятал ноги под стол.

— Хоббитом всякий обозвать может.

— Глупый. Фродо спас нас от страшной беды. Тебе нечего стыдиться.

— А я и не стыжусь. Уже не стыжусь. Показывай уши.

— Мне сразу лечь или сначала сидя?

— Давай сидя.

Венера поднесла руку к волосам, но я перехватил её запястье.

— Я сам. Пожалуйста.

Девушка кивнула и придвинулась вплотную. Я медленно провел кончиками пальцев по волосам. Всей ладонью погладил круглый затылок. Обнажил левое ухо.

— Господи, да ты же эльфийка!

— Не торопись с выводами. Дай я лягу.

Когда Венерина голова легла на мои колени, она легла не совсем на мои колени. Я давно не разговаривал с членом, но тут взмолился. «Пожалуйста, Билли Бой, не вставай! Не надо, Билли Бой! Ты упрешься ей прямо в щеку. Не делай этого!»

— Ну что? Как тебе моё ухо с такого ракурса?

— Оно и вправду уродливое.

Венера села. Её лицо застыло и вытянулось.

— Уродливое... Ты действительно так считаешь?

Олененка Бэмби видели? Примерно такая же фигня. Стыдно до чертиков.

— Нет. Просто я боялся, что мой член упрется тебе в щеку.

Повисла пауза.

— Знаешь, мне кажется, настал психологический момент поговорить о твоей матери.

Такого я не ожидал. Хрюкнул даже от удивления, а потом заржал. Девушка ко мне присоединилась. Булжники и стекло посыпались на мостовую. Тут зазвонил мой телефон. На дисплее высветилось имя — «Череп».

— Я отойду на минутку, ладно?

— Конечно, Луций. На самом деле мне тоже...

После — «конечно, Луций» — я не слушал. Моим вниманием завладел Череп. Через десять минут я вернулся из туалета. Венеры за столиком уже не было. Пустой диван, понимаете? Всё вокруг перерыл — записку искал. Не нашел. Чертово облако превратилось в топь. К стриптизершам я

не пошёл. Сидел в Центральной кофейне до закрытия. И на следующий день тоже. И послепослезавтра. И потом. Целую неделю там сидел. С утра до вечера. Как Хатико. На дверь смотрел. Вздрагивал, когда девушки входили. Ужас просто. Еле-еле кокаином с водкой отошел. Равнодушный эгоист. Ага, как же.

Два месяца прошло. На днях я снова в Центральную кофейню зашёл. Сижу, настоящий американо прихлебываю. Гессе листаю. Между прочим, спиной к входу. Потому что надоело мне собаку из себя избражать. Вдруг чувствую — Венера в носу. Её запах. «Ну, — думаю, — здравствуй, Банка! Приехали». Тут и голос подоспел:

— Привет, Луций! Я так скучала!

По-моему, я в обморок упал. Лицеист хренов. Но меня понять можно. Представьте, вот вы загадали, что щас по небу чувак на метле пролетит, а он возьми и пролети. Кому угодно крышу снесет. Вот и мне снесло. Я весь вечер Венеру за руку держал, чтоб она не исчезла. В туалет даже не ходил. Чуть не обоссался от высоких чувств. Брет Эшли и Роберт Кон, господи прости!

В тот день мы с Венерой до закрытия просидели. А потом как-то совершенно естественно уехали ко мне. Пришлось, конечно, с женой объясняться, выгонять её к родителям, шмотки собирать. Да и Венерин муж, к которому мы заехали по дороге, расписовался и подпортил настроение. Но его можно понять. И жену мою можно понять. И меня можно понять. И Венеру можно понять. Всех можно понять. Любовь, чего тут.